

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

М. М. СПЕРАНСКИЙ: PRO ET CONTRA

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2024

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров], А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Фёдоров, С. С. Хоружий]*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырёв

Составитель

Л. В. Выскочков

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>;*

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

М. М. Сперанский: pro et contra, антология / Сост., вступ.
статьи Л. В. Выскочкова; коммент. К. В. Доник, П. К. Романова. — СПб.: РХГА, 2024. — 880 с. — (Русский Путь).

ISBN 978-5-907855-71-7

Антология посвящена жизни и деятельности М. М. Сперанского (1772–1839) — одного из выдающихся деятелей российской истории, реформатора и мыслителя, государственного деятеля, кодификатора, основателя российских юридической науки, теоретического правоведения и специального «законоведческого» образования, фундатора современного русского юридического языка. Книга подводит итоги изучения творческого наследия М. М. Сперанского, осмысления творческого его наследия специалистами различных профилей; вносит свой вклад в расширение источниковой базы о Сперанском для исследователей, работающих по самым разным смежным темам и специальностям, а также в дело создания учебно-педагогической литературы для учебных заведений, прежде всего, для вузов. Ряд источников публикуются впервые.

© Выскочков Л. В., составление, вступ. статьи,
2024

© Доник К. В., комментарии, 2024

© Романов П. К., комментарии, 2024

© АНО ВО «РХГА», 2024

© «Русский Путь», название серии,
1993, 2024

ISBN 978-5-907855-71-7

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>Л. В. Выскочков</i> . М. М. Сперанский в восприятии современников и потомков: историческая память о государственном деятеле и реформаторе)	7
<i>Л. В. Выскочков</i> . «Светило российской бюрократии»: образ Сперанского в историографии XIX–XXI вв.	23

I

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

<i>Е. М. Багрова-Багреева</i> Воспоминания	35
<i>Э. Дюмон</i> Дневник	43
<i>Ф. В. Булгарин</i> Воспоминания	59
< <i>Ф. М. Гауеншильд</i> > М. М. Сперанский	79
<i>М. Н. Лонгинов</i> Несколько дополнительных слов о графе Сперанском	87
<i>Д. П. Рунич</i> Из записок	99
<i>Ф. Н. Фортунатов</i> Памятные записки вологжанина	115

II РЕФОРМАТОР У ТРОНА

Реформатор у трона

<i>Г. С. Батеньков</i>	
Данные: Повесть собственной жизни.	149
<i>Ф. В. Булгарин</i>	
Воспоминания.	170
<i>Ф. М. Гауеншильд</i>	
М. М. Сперанский.	189
<i>Г. А. Розенкампф</i>	
Отрывки из автобиографии.	207
<i>Н. С. Ильинский</i>	
Граф М. М. Сперанский.	219
<i>Д. П. Рунич</i>	
Из записок.	235
<i>Ф. Н. Фортунатов</i>	
Памятные записки вологжанина.	254

III ОПАЛА И ССЫЛКА

< <i>В. И. Бакунина</i> >	
<«Велик день для Отечества.... [до] ежели бы не на разрушение себя»>	275
<i>Ф. В. Булгарин</i>	
Воспоминания.	293
<i>В. Н. Воейкова</i>	
Воспоминания.	326
<i>С. Г. Волконский</i>	
Записки.	347
< <i>Ф. М. Гауеншильд</i> >	
М. М. Сперанский.	369
<i>С. И. Глинка</i>	
Записки.	389
<i>М. Н. Лонгинов</i>	
Несколько дополнительных слов о графе Сперанском.	399

<i>Е. Н. Львова</i>	
Рассказы, заметки и анекдоты. Из записок	419
< <i>Ф. В. Ростопчин</i> >	
Письмо <i>Ф. В. Ростопчина</i> императору <i>Александру I</i> от 14 марта 1812 г.	423
<i>Н. И. Попов</i>	
Записка о пребывании <i>М. М. Сперанского</i> в <i>Перми</i> с 23 сентября 1812 г. по 16 сентября 1814 г.	430
<i>Д. П. Рунич</i>	
Из записок	442
<i>Я. И. де Санглен</i>	
Записки. 1793–1831	446
<i>Д. Н. Свербеев</i>	
Мои записки	451

IV

**НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ. ПЕНЗЕНСКИЙ ГУБЕРНАТОР.
СИБИРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР**

<i>Ф. В. Булгарин</i>	
Воспоминания	470
<i>Г. И. Мешков</i>	
Из воспоминаний	492
<i>Д. П. Рунич</i>	
Из записок 500	
<i>П. П. Баснин</i>	
Воспоминания о <i>Сперанском</i>	515
<i>Г. С. Батеньков</i>	
Данные: Повесть собственной жизни.	520
<i>Г. С. Батеньков</i>	
Из бумаг	535
<i>Ф. В. Булгарин</i>	
Воспоминания	540
< <i>Ф. М. Гауеншильд</i> >	
<i>Сперанский</i>	553
<i>И. Т. Калашников</i>	
Записки <i>Иркутского жителя</i>	560

<i>М. Н. Лонгинов</i>	
Несколько дополнительных слов о графе Сперанском	572
<i>Э. И. Стогов</i>	
Сперанский и Трескин в Иркутске, 1819 г.	593
<i>К. И. Фишер</i>	
Записки сенатора	599

V

ВНОВЬ В ПЕТЕРБУРГЕ. КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОВ. ПРИ ДВОРЕ НИКОЛАЯ I

<i>Г. Н. Александров</i>	
Мои воспоминания о графе Сперанском	629
<i>Г. Н. Александров</i>	
Очерки моей жизни	640
<i>П. И. Савваитов</i>	
Граф М. М. Сперанский. Заметки <Аракчеев о Сперанском> .	663
<i>Ю. Н. Бартенева</i>	
Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева	695
<i>А. Д. Боровков</i>	
Автобиографические записки	719
<i>Ф. В. Булгарин</i>	
Воспоминания	745
<i><И. Гринвальд></i>	
Сперанский и Балугьянский: Участие их в составлении Свода узаконений для Прибалт. Губерний (Из записок «Очевидца»)	768
<i>А. А. Корнилов</i>	
Замечания А. А. Корнилова по поводу работы Сперанского по сбору законов, издаваемых русским правительством	797
Комментарии	820
Библиография	850
Указатель имен	864
Указатель географических названий	872

Л. В. Выскочков
М. М. СПЕРАНСКИЙ
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГОСУДАРСТВЕННОМ
ДЕЯТЕЛЕ, РЕФОРМАТОРЕ, МЫСЛИТЕЛЕ

Авторы одной из лучших основанных на архивных документах книге о Михаиле Сперанском справедливо пишут: «Имя графа Михаила Михайловича Сперанского (1772–839), члена Государственного совета, действительного тайного советника, полного кавалера высших российских орденов, принадлежит к не столь уж пространному списку имен крупнейших государственных деятелей России за всю ее многовековую историю. Реформатор, сопоставлявшийся с титаническими фигурами Петра Великого и Александра II, государственный муж, служивший трем государям, непревзойденный кодификатор («русский Трибониан»), основатель российских юридической науки, теоретического правоведения и специального «законоведческого» образования, фундатор современного русского юридического языка, Сперанский вызывал искреннее восхищение и столь же искренние неприязнь, отторжение (вплоть до ненависти) у современников и потомков»¹.

В 2022 году исполнилось 250 лет со дня рождения М. М. Сперанского. Нельзя сказать, чтобы это событие произвело какой-либо значительный (тем более огромный) резонанс в современной российской науке и в общественном сознании. Активизировались отдельные исследовательские группы, в основном по линии социально-политической истории и истории государства и права. Конечно, данная ситуация отчасти объясняется наложением 350-летнего юбилея Петра Великого, но указанное обстоятельство касается преимущественного массового сознания и государственного официоза. В более глубоком смысле оно является одним из лежащих на поверхности свидетельств тому, что Сперанский недопонят

¹ Луковская Д. И. С. С. Гречишкин. Морозов В. И. М. М. Сперанский. Материалы к научной биографии. М., 2001. Электронная книга.

и вследствие этого недооценен в отечественной гуманитарной науке и общественном сознании. На наш взгляд, Сперанский является самым недооценённым из выдающихся государственных деятелей Российской империи. Можно считать это первым элементом рабочей гипотезы, которую мы подробно изложим ниже. Помимо государственных деятелей империи, которые прославились в том числе (или исключительно) батальными подвигами, что обычно делает фигуру социально-резонансной, таких как А. Меншиков, Г. Потёмкин, А. Суворов, М. Кутузов, в культурной памяти запечатлелись К. П. Победоносцев (в более негативных тонах), П. А. Столыпин (скорее в позитиве, как реформатор, ставший жертвой), и С. Ю. Витте (как значительная, но неоднозначная фигура). У этих имперских сановников много общего. Некоторые из них, как Меншиков или Потёмкин, находились в весьма близких отношениях с монархами. То же можно сказать и о Сперанском в либеральный период правления Александра I. Сперанский и Победоносцев были учителями наследников престола, а также крупными юристами. Подобно Столыпину и Витте, Сперанский предлагал планы реформ и пытался проводить их в жизнь. Подобно Меншикову и Потёмкину, Сперанский не имел аристократического происхождения, но некоторое время фактически исполнял функцию второго лица в государстве, получил графский титул, хотя и незадолго до смерти. Он не избежал опалы, но в конце концов император Николай I подарил ему Андреевскую звезду, которую снял с собственной груди. Имеются и черты, которые выделяют Сперанского из общего ряда знаменитых имперских сановников. Он был честен, бескорыстен и навсегда остался верен своей единственной рано скончавшейся супруге. Сперанский всегда служил монархии, но, как известно, в состав Временного правительства будущие декабристы предлагали включить прежде всего М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова как «людей, уже известных всей России» (С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев). Однако позиция Сперанского в подготовленном им манифесте «О совершении приговора над государственными преступниками», подписанном Николаем I 13 июля 1826 г., была выражена четко: «Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняющие недостатки, исправляются злоупотребления»². Сперанский был реформатором, который в каком-то смысле не состоялся, хотя и нельзя сказать это однозначно. Из всех великих сановников империи он был не только выдающимся организатором и неуро-

² ПСЗ РИ. 2-е собр. Т. I. № 464. С. 773.

мым работником, но и крупным мыслителем, можно сказать, даже стратегом. Мыслителем можно назвать и Победоносцева, но он не предложил никакой программы развития, подобно своему современнику Леонтьеву. В результате победили партии, которые предлагали проекты (считавшиеся многими утопическими) развития, а не просто критики конкурентов и консервации сложившихся условий. В советской науке господствовала унаследованная марксистами от Гегеля методологическая установка, что «история не знает сослагательного наклонения». В современной науке такая позиция уже не кажется безальтернативной. Россия могла бы пойти по несколько иному пути, если бы реформы Сперанского всё-таки состоялись. Вторым пунктом рабочей гипотезы нашего проекта является стратегическая значимость реформаторских идей Сперанского. Сперанский и Победоносцев в этом аспекте — противоположности. Сперанского называли «Вольтером в рясе», и в этой шутке, как часто бывает, имеется своя доля шутки. Фактически Сперанский предложил ту модель государственного управления, которая стала реализовываться в России при президенте Путине (сущностно, но не буквально, разумеется). Сочетание столь разных качеств делает фигуру Сперанского одним из важнейших зеркал отечественной культуры, причём не только эпохи, олицетворяемой именами Александра I и Николая I, но и в целом, в аспекте проблематики государственно-правового устройства, оптимум которого отечественная мысль ищет, по крайней мере, начиная с писем старца Филофея Василию III и полемики царя Ивана IV и князя Андрея Курбского. Среди отечественных правоведов сложно найти личность, по масштабам подобную Сперанскому, который при составлении Кодекса законов Российской империи фактически выполнил работу Земского собора.

Недооценённость Сперанского в издательской практике имеет своей причиной неучёт комплекса проблемных контекстов, на пересечении которых возникает и развивается его фигура. Дело в данном случае не в отсутствии конкретных точечных или аспектных исследований, таковые как раз представлены в отечественной историографии, причем зачастую на вполне достойном уровне. Дело именно в исследовательской оптике. Необходим целостный анализ личности, деятельности и наследия Сперанского как своего рода зеркала, по крайней мере — одного из зеркал российской истории, в том числе и как «зеркала русской революции». Следствием недопонимания и недооценённости Сперанского в гуманитарной науке и исторической памяти культуры являются не только конкретно-исторические лакуны (это очевидно), но и сложности с решением таких фундаментальных мировоззренческих задач,

которые определяют векторы развития российской цивилизации. К их числу можно отнести такие проблемные комплексы, как: право — закон — власть; общество — государство — бюрократия; либерализм — консерватизм; новаторство и традиция; суверенитет — геополитическая и геокультурная интегрированность.

Тем более несправедливым выглядит отсутствие антологии о М. М. Сперанском в серии *pro et contra*. Единственной хрестоматией-антологией по источникам личного происхождения, посвященной М. М. Сперанскому, является публикация Н. В. Минаевой «М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII — первая половина XIX веков» (М.: Собрание, 2009). Нина Васильевна Минаева (1929–2009), уроженка Архангельска из известного рода донских казаков. На протяжении многих лет преподавала в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне МПГУ, защитив в 1983 г. докторскую диссертацию: «Конституционные тенденции в политических проектах России начала XIX века». Поэтому обращение ее образу М. М. Сперанского было не случайно.

К сожалению, книга была издана небрежно. На обложке, титульном листе, последней странице книги опечатка в начальной дате — XVII век вместо XVIII в. Содержание антологии шире названия, помимо дневников и мемуаров приводятся письма и обширные фрагменты исторических исследований о М. М. Сперанском — это отрывки из книг М. А. Корфа³, Е. П. Ковалевского⁴, статьи военного историка М. И. Богдановича⁵. В общей сложности это составляет почти 35 % всего текста книги, что значительно уменьшает корпус источников, который кроме мемуаров, состоит также из публицистики (памфлет Г. П. Ермолова, рецензия М. П. Погодина) и шести писем (Этьен Дюмон, письмо М. М. Сперанского А. А. Столыпину, митрополит Филарет, Ф. В. Ростопчин, П. И. Пестель, В. И. Штейнгель.

В антологии опубликованы фрагменты 21 текста в виде записок Ф. Ф. Вигеля, П. А. Вяземского, дневника Этьена Дюмона (два упоминания о Сперанском), мемуаров А. О. Л. Коленкура, записок М. А. Корфа, А. И. Кошелева, воспоминаний Ф. П. Лубяновского, М. М. Медем, К. В. Нессельроде, Е. П. Оболенского, И. Б. Пестеля, дневника А. С. Пушкина, воспоминаний Г. А. Розенкамфа, Д. П. Рунича, записок Я. И. де Санглена, С. П. Трубецкого, дневника Н. И. Тургенева, записок Ф. Н. Фортунатова,

³ Жизнь графа Сперанского. В 2 т. Т. П. СПб., 1861.

⁴ Граф Блудов и его время. Царствование имп. Александра I-го СПб., 1866.

⁵ Падение Сперанского // Вестник Европы, 1868. Кн. 12.

Н. Р. Цебрикова, записок А. С. Шишкова и В. И. Штейнгеля. Все источники (за исключением пропущенного одного произведения А. С. Шишкова) имеют ссылки на предшествующие публикации, которые взяты автором за основу. Указатели имен и географических названий носят «слепой» характер без комментариев. Подробных комментариев, по существу, археографических комментариев также не дается. Введение «Михаил Михайлович Сперанский. Исторический очерк» (с. 5–16) является биографическим очерком, но не анализом приведенных в хрестоматии источников. Все опубликованные источники и литература условно разделены в два блока — «Недоброжелатели о М. М. Сперанском» и «Доброжелатели о М. М. Сперанском», причем в последний раздел под общей рубрикой «Декабристы», включены фрагменты из записок С. П. Трубецкого, воспоминаний Е. П. Оболенского, записок В. И. Штейнгеля, Н. Р. Цебрикова, Н. И. Тургенева. Распределение источников по двум разделам носит часто условный характер, так как некоторые из современников не имели столь ярко выраженных симпатий или антипатий к Сперанскому, а отнесение Ф. Ф. Вигеля к «доброжелателям» вызывает недоумение. Во фрагменте, опубликованном Н. В. Минаевой есть его цитата при первом упоминании Сперанского: «Сие ненавистное имя в первый раз еще является в сих «Записках» (с. 167).

Небольшая аннотация «Современники о Сперанском» (с. 17–18) носит формальный характер с заявлением, вводящим читателя в заблуждение относительно использования архивных источников: «В работе были использованы архивные материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 731 М. М. Сперанского; Ф. 637. К. Г. Репинского; Ф. 380 М. А. Корфа), Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (ИРЛИ. Ф. 61ы. «Архив “Русской старины”»), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 195. Остафьевский архив князей Вяземских)». На самом деле, никаких следов использования архивных документов указанных фондов найти не удалось. Исключением является последняя запись в содержании книги: «Елизавета Михайловна Фродова-Багреева (1799–1857). Но это не публикация ее записок об отце, написанных по просьбе М. А. Корфа (на французском языке) из его фонда, а только справка на полутора страницах (с. 338–339) с общеизвестными сведениями об этих записках. На самом деле, перевод и публикация этих записок является актуальной задачей исследователей разного профиля и широкого круга читателей.

Актуальность исследования определяется принципиальным значением для отечественной истории и культурной памяти России

воссоздания объективного и многогранного образа М. М. Сперанского как государственного деятеля и мыслителя, выявлением его подлинного места в историческом сознании и общественной жизни России. Оно важно в деле изучения проблемы трансляции исторической памяти, историзации индивидуального опыта Сперанского, явно недооцененного в общественном пространстве. Эта тематика нашла отражение в нескольких конференциях, посвященных Сперанскому, в частности, на базе Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного исторического архива и на площадке “Третьего Петербургский исторический форум”, состоявшегося 7–13 октября 2024 г., на котором работала секция: М. М. Сперанский: Документальное наследие и историческая память». В ней приняли участие и авторы данного проекта.

Между тем углубленное и непредвзятое изучение проблем формирования образа Сперанского в культурной памяти России на современном этапе и в исследовательской литературе независимо от дисциплинарной принадлежности исследователей (история, юридические науки, политология, психология, философия, религиоведение, педагогика, филология) остается важнейшим направлением и задачей отечественной науки. Предлагаемое исследование подведет итоги изучения Сперанского, как с учетом его эволюции, так и на современном этапе, осмысления творческого его наследия специалистами различных профилей. Оно вносит свой вклад в расширение источниковой базы о Сперанском для исследователей, работающих по самым разным смежным темам и специальностям, а также в дело создания учебно-педагогической литературы для учебных заведений, прежде всего, для вузов.

Основу антологии составили источниковедческие документы личного происхождения, иначе, если использовать терминологию Якоба Прессера, эго-документы, как отечественные, так и зарубежные, опубликованные и не опубликованные, которые будут выявлены в процессе исследования⁶. Помимо анализа более чем 80 опубликованных источников личного происхождения о М. М. Сперанском (дневники, мемуары, письма), автобиографических заметок, а также публицистики, будут привлечены неопубликованные источники, выявленные в архивных хранилищах.

Методологическая новизна обуславливает системную оптику на основе методы «pro et contra». Феномен Михаила Сперанского

⁶ Биографический метод и эго-документы в исследованиях российской истории XVIII — начала XX в. Сб. ст. / Под общей ред. А. Г. Голикова. М.: Изд-во МГУ. (Тр. ист. ф-та МГУ. 203).

«просвечивается» в многообразии проблемных аспектов, при этом различные оценки подвергаются критическому анализу на предмет их аргументированности, ангажированности ил конъюнктурности. Наиболее значительные суждения и трактовки (или фрагменты) попадают в антологию «Михаил Сперанский: pro et contra. Жизнь и деяния Сперанского в оценках современников и мыслителей».

Предлагаемая антология базируется прежде всего на источниках личного происхождения — дневниках, мемуарах, письмах. Письма как исторический источник имеют больше общего с дневниками, меньше с мемуарами. В классификации писем выделяются — частная переписка, деловая переписка, которая может приобретать характер юридического документа, фигурировать как делопроизводственный источник; — письма-обращения, которые могут быть в форме «открытого письма»; — письма-произведения: литературно-художественные, публицистические, философские.

К эго-документам, созданным современниками Сперанского, относится и публицистика, не случайно, многие такие тексты включены в библиографические справочники мемуаров. Вероятно, их имеет смысл выделить в антологии в отдельный блок.

Среди библиографических указателей источников личного происхождения, содержащих информацию о М. М. Сперанском, наиболее обстоятельными являются справочники: Минцлов С. [Р]. Обзор записок, дневников, воспоминаний и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912. Вып. 1—5; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. / Под ред. П. А. Зайончковского (Т. 2. В 2 ч. М., 1977); Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей // Под общей ред. А. А. Либермана (М., 2006. С. 604—609).

В первом разделе антологии «От первого лица» предполагается поместить фрагменты дневником самого М. М. Сперанского и его переписку, частично опубликованную в сборниках «В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1972. (СПб., 1872) и в двух тематических подборках его писем: «К истории Свода законов Российской империи (Переписка М. М. Сперанского разными лицами, 1898 и Ермолинский Л. Л. Сибирские письма Михаила Сперанского. Хрестоматия и комментарии. (Иркутск, 1998.). Но основной акцент будет сделан на источниках личного происхождения, отражающих круг контактов и общения со Сперанским, то есть, взгляд на него со стороны.

В хронологическом порядке первые публикации мемуаристов, содержащих информацию о Сперанском, можно распределить в следующем порядке: М. Л. Магницкий (1843), И. М. Долго-

руков (Повесть о рождении моем; 1844–1845); Ф. В. Булгарин (1845–1848), Зарифейский. (1865); Дмитриев М. А. (1853–1854), Х. Ф. Роммель (1857); Жихарев С. П. (1855 и др.); М. Н. Лонгинов (1860); Ф. П. Лубяновский (1861); Н. И. Попов (1861); Н. И. Флоринский (по воспоминаниям бабушки А. И. Флоринского; (1863); К. В. Нессельроде (1865); Н. В. Сушков (1867); Ф. Н. Фортунатов (1867); А. Е. Розен (1870), В. С. Хвостов (1870); А. С. Шишков (1870); И. М. Долгоруков (Капище моего сердца, 1872–1874), А. А. Аракчеев (высказывание 1872); А. Росницкий (1872); П. И. Савитов (1872), Н. С. Ильинский Н. С. (1872); В. П. Бурнашев (1872); И. И. Мартынов (1872); сам М. М. Сперанский (Дневник, 1862); Я. Словцов (1872); В. С. Филимонов (1873), И. Б. Пестель (1875), А. И. Рибопьер (1877), Э. И. Стогов (1878 и др.); Н. И. Шениг (1880); В. Д. Давыдов (1881); И. Гринвальд (1882), В. И. Бакунина (1885); А. В. Горский (1885), М. М. Медем (1885); Н. И. Греч (1886 и др.); Е. Н. Львова (1880); А. П. Бутенев (1881–1883); П. А. Вяземский (1883); Ф. И. Санглен (1883); Гиляров-Платонов Н. П. (1884); А. И. Кошелев (1884); Ю. Н. Бартенев (по рассказам А. Н. Голицына, 1886); митр. Филарет (1888); А. И. Михайловский-Данилевский (1890); И. А. Второв (1891); Ф. Ф. Вигель (1891–1893); В. И. (1892–1893); С. Н. Глинка (1895); А. Х. Бенкендорф (1896–1903 и др.; Г. С. Батеньков (1897); М. Д. Бутурлин (1897–1898); П. Г. Дивов П. Г. (1897–1903); К. Н. Лебедев (1889); Д. П. Рунич (1896); А. Д. Боровков (1898); В. М. Жемчужников (1899); Д. Н. Свербеев (1899); М. А. Корф (Записки, 1899–1904, 2003; С. Г. Волконский С. Г. (1902); П. Т. Баснин (1903) Пересказ записок деда автора, сибирского купца П. Т. Баснина, 1903); В. Н. Воейкова (1903); Г. И. Мешков (1903); Г. Н. Александров (1904); Г. А. Розенкампп (1904); И. Т. Калашников (1905); С. П. Трубецкой (1906/1907); К. И. Фишер (1908); А. О. Л. Коленкур (1908 и др.); Н. И. Тургенев (1911); Этьен Дюмон (1913); Николай I (1926; 2013); А. С. Пушкин (1949); И. Н. Лобойко (1951); великая княжна Ольга Николаевна (1963, 2000); И. М. Долгоруков (Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, 2004); Долли Фикельмон (2009); М. А. Корф (Дневник, 2010).

Некоторые из них были опубликованы отдельными изданиями, но большая часть в исторических журналах: «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Чтения ОИДР», «Старина и новизна» и др.

Из публикаций двух последних десятилетий следует отметить содержащие сведения о М. М. Сперанском републикации в первоизданном виде мемуаров С. П. Жихарева (1989); Ф. В. Булгарина

(2001), Н. И. Греча (2002), Ф. Ф. Вигеля (2005), Ф. И. Санглена (2016), М. А. Корфа (2003); в новых вариантах Э. И. Стогова (2003), двух мемуарных источников И. М. Долгорукова (1997; 2004–2005), впервые в полном виде дневника Долли Фикельмон (С. П. Мрачковская-Балашова, 2009), дневника М. А. Корфа за 1838–1829 (И. В. Ружицкая, 2010), в новом и полном переводе воспоминаний А. Х. Бенкендорфа (М. В. Сидорова, А. А. Литвин, 2012), «Записных книжек» Николая Павловича (Под ред. М. В. Сидоровой и М. Н. Силаевой, 2013), републикацию находящихся на грани мемуаров и памфлета «Петербургских очерков» П. В. Долгорукова (2022).

Помимо обширного эпистолярного наследия самого М. М. Сперанского (Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому... СПб., 1862; «Писем Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... М.; Киев, 1869; В память графа Михаила Михайловича Сперанского ... СПб., 1872 и др.), опубликованы многочисленные письма, адресованные самому М. М. Сперанскому, а также его современников, в которых шла речь о нем. Ценным источником является переписка Николая I с цесаревичем Александром Николаевичем во время зарубежного вояжа последнего по Европе, изданная в 2008 г., в которой содержится информация об ухудшении здоровья Сперанского, отношении к нему императора и наследника (Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I 1838–1839). Под ред. А. Г. Захаровой и С. В. Мироненко). Она была проанализирована в статье Л. В. Выскочкова (2023). Особенностью переписки М. М. Сперанского является то, что после 1825 г. он вел переписку в основном с приятелями и родственниками. Частично эта переписка учтена в упомянутом справочнике под ред. А. А. Либермана (598–604). Анализ переписки М. М. Сперанского в различными лицами посвящены некоторые статьи современных исследователей, в частности, Т. А. Дружининой (Дружинина Т. А. Дополнения к биографии и личностной характеристике М. М. Сперанского по переписке его с П. Г. Масальским // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. № 9 (13). С. 98–102).

Как отметила Л. Н. Киселева, жизнь и деятельность гр. М. М. Сперанского может быть рассмотрена с нескольких сторон и прежде всего, «с точки зрения исторического значения его как государственного и политического деятеля, значения его проектов преобразования России, причины его неудач как реформатора, другой аспект — биографический. Яркая биография Сперанского, в которой были и необыкновенные взлеты и падение со ссылкой в Нижний Новгород и через месяц — далее в Пермь. Другой

аспект — биографический. Необыкновенно яркая биография Сперанского таит в себе массу нерешенных вопросов (в частности, один из центральных — вопрос о его ссылке). Интересны и мало исследованы личные отношения Сперанского со многими выдающимися его современниками (деятелями Негласного комитета, Аракчеевым, Карамзиным, декабристами, наконец с самим Александром I.

Отроческий и юношеский периоды жизни Сперанского сравнительно слабо освещаются в источниках личного происхождения.

Различные сведения об учебе и первых карьерных успехах Сперанского содержат публикуемые воспоминания Ф. В. Булгарина, Ф. М. Гауеншильда, М. Н. Лонгинова, Д. П. Рунича Ф. Н. Фортунатова. Пока остаются неопубликованными и воспоминания дочери Сперанского Елизаветы Михайловны Фроловой-Багреевой⁷, отчасти также цитированные М. А. Корфом. Фрагмент из этих воспоминаний в переводе с французского К. В. Доник публикуется в антологии.

Начало службы Сперанского в Министерстве внутренних дел после воцарения Александра I нашло отражение в нескольких источниках, в частности, в дневнике Этьена Дюмона, посетившего С.-Петербург в 1803 г. и публикуемом в антологии⁸. В частности, отмечено значение для формирования мировоззрения Сперанского трудов английского философа-моралиста Джереми Бентами. Интересно наблюдение Этьена Дюмона о несовершенстве разделения министерств после их образования в 1802 г., что было исправлено Сперанским «В общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г.⁹

Отношение общества к Сперанскому до встречи Александра I с Наполеоном в Эрфурте в 1808 г., на котором присутствовал Сперанский, было по преимуществу, доброжелательным, хотя после осени 1807 г. он уже был приближен к императору и сопровождал его в западные губернии на смотр армии.

⁷ *Фролова-Багреева Е. М.* Смутные воспоминания и записки дочери. ОР РНБ. Ф. 380 (Корф М. А.). Оп. 1. Ед. 555.

⁸ Этьен Дюмон (Pierre Etienne Louis Dumont, 1759–1829), уроженец Женевы, французский философ и публицист, брат петербургского ювелира Дюваля, первый раз побывавший в С.-Петербурге в 1785 г. Дневник Этьена Дюмона о его приезде в Россию в 1803 г. Предисл. и общ. С. М. Горяинова // *Голос минувшего*. 1913. № 2. С. 143–164; № 3. С. 80–198; № 4. С. 124–144.

⁹ *Общее учреждение министерств. Манифест. 1811, июня 25* // ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. XXXI. № 24 686. С. 686–756.

Характерно в этом отношении стихотворение А. Ф. Воейкова, посвященное Сперанскому «Сатира к С<перанскому> об истинном благородстве» 1806 г.¹⁰

От сильных слабому покров и защититель;
Ты духом дворянин! трудися, продолжай,
Вослед за Сюллием, за Кольбертом ступай;
Не орденской звездой — сияй ты нам делами;
Превосходи других душою — не чинами;
Монарху славному со славою служи;
Добром и пользою вселенной докажи,
Что Александр к делам людей избрать умеет
И ревностных сынов Отечество имеет¹¹.

Красной чертой в отношении дворянства к Сперанскому стал подготовленный им указ от 3 апреля 1809 г. о том, что придворные звания камергера и камер-юнкера, не являются чинами¹². Аналогично чиновники пощечиной в свой адрес посчитали указ от 6 августа того же года также подготовленный Сперанским «об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры (VIII класс) и статские советники» (V класс)¹³, то есть в чины, позволяющие занимать высокие должности в учреждениях. Протест чиновничества отразился в целом потоке эпиграмм, карикатур, памфлетов. После этого ненависть к бывшему «поповичу» становится поистине всеобщей, можно отдельно говорить о дворянской и чиновничьей оппозиции к Сперанскому, или как он считал, что его преследовала «толпа подъячих» и «толпа вельмож».

Характеристики Сперанского в период его звездного часа приводятся в записках Ф. В. Булгарина, Ф. М. Гауеншильда, Г. А. Розенкампа, Д. П. Рунича и др. современников.

¹⁰ Вестник Европы. 1806. № 19. С. 195.

¹¹ Воейков А. Ф. Сатира к С<перанскому> об истинном благородстве // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М.. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1971. С. 264.

¹² О не присвоении званиями камергеров и камер-юнкеров никакого чина, ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов. Именной, данный Сенату. 1809, апреля 3 // ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. XXX (Т. 30). № 23 559. С. 899–900.

¹³ О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники. Именной указ, данный Сенату. 1809, августа 6 // ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. XXX (Т. 30). № 23 771. С. 1064–1057.

Дворянская оппозиция к нему была далеко не однородна. Наиболее прямолинейный взгляд отразился с предельной полнотой в мемуарах В. И. Бакуниной¹⁴, Ф. Ф. Вигеля¹⁵.

Ф. Ф. Вигель, упомянув первый раз «ненавистное имя», дал в целом характеристику стремительной карьеры Сперанского, подбирая и далее нелицеприятные эпитеты, типа «глаза у него были точно у издыхающего теленка». Часто по службе с ним общаясь, Вигель также свое уважение к нему, «но и тогда близ него мне все казалось, что я слышу серный запах и в голубых очах его вижу синеватое пламя подземного мира»¹⁶. Мемуарист, скорее публицист, Вигель отмечает, якобы, карьеризм Сперанского и желание принизить дворянство: «Когда я начал знать Сперанского, из дьячков перешагнул он через простое дворянство и лез прямо в знатные. На новой высоте, на которой он находился, не знаю, чем почитал он себя; известно только, что самую уже знатность хотелось ему топтать»¹⁷.

В одной из первых своих публикаций Л. Н. Киселева писала: «Другой взгляд, более тонкий, полный не ненависти, а скорее презрения, выразили Н. И. Тургенев и кн. П. А. Вяземский: с одной стороны — это презрение к Сперанскому как человеку, по их мнению, низких моральных качеств, с другой — аристократическая насмешка над поповичем, не сумевшим преодолеть печати своего происхождения. Разумеется, причины их неприязни к Сперанскому гораздо глубже этих двух, лежащих на поверхности. По этим поздним высказываниям нельзя судить об отношении к Сперанскому декабристов и околodeкабристских кругов. Вопрос этот очень сложен и мало изучен. При его рассмотрении необходимо будет учесть эволюцию взглядов Сперанского и самих декабристов и многое другое — все это, конечно, требует специального исследования»¹⁸.

¹⁴ Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // РС. 1885. Т. 47. № 9. С. 391–410. Бакунина Варвара Ивановна (1773–1840), жена петербургского губернатора, писательница. Январь — август 1812 г. Краткие дневниковые записи об откликах в Петербурге в связи со ссылкой М. М. Сперанского

¹⁵ [Вигель Ф. Ф.] Филипп Филиппович Вигель. Записки. München: Im Verlag, 2005. — 327 с. Другие издания см.: «Библиография».

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ Киселева Л. [Н]. М. М. Сперанский в зеркале русской публицистики и художественной литературы (К 200-летию со дня рождения) // Материалы XXVII научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 41.

Отмечая изменения политических пристрастий Сперанского, Вигель пишет: «Благоразумный Сперанский, меняясь с обстоятельствами, потихоньку, неприметным образом, перешел из почитателей Великобритании в обожатели Наполеона, из англичанина сделался французом»¹⁹. Обвинения, что Сперанский, применяя современную терминологию, стал агентом влияния Франции и шпионил в пользу Наполеона были весьма распространены. С радостью воспринял Вигель опалу Сперанского в марте 1812 г.: «Первая важная весть, которую получили мы в конце марта, была о неожиданных отставке и ссылке Сперанского; но эта весть громко разнеслась по всей России. Не знаю, смерть лютого тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это был человек, который никого не оскорбил обидным словом, который никогда не искал погибели ни единого из многочисленных личных врагов своих, который, мало показываясь, в продолжение многих лет трудился в тишине кабинета своего. Но на кабинет сей смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собою все наше отечество. Все были уверены, что неоспоримые доказательства в его виновности открыли наконец глаза обманутому государю; только дивились милосердию его и роптали. Как можно было не казнить преступника, государственного изменника, предателя и довольствоваться удалением его из столицы и устранением от дел! Не менее того сию меру, слишком строгую, если человек был безвиновен, торжествовали как первую победу над французами. Многие, помню, приходили меня с этим поздравлять, и, виноват, я принимал поздравления»²⁰

Вигелю вторила Варвара Ивановна Бакунина, жена петербургского губернатора и писательница, передававшая слухи, циркулировавшие в обществе: «Велик день для Отечества нас и всех — 17-й день марта! [...] Открыто преступление в России необычайное, измена и предательство. [...] Уверяют, что в то же время хотел возжечь вдруг бунт во всех пределах России и дав вольность крестьянам, вручить им оружие на истребление дворян. Изверг, не по доблести возвышенный, хотел доверенность государя обратить ему на погибель»²¹.

Причины опалы и ссылки рассматривались в письмах и записках большого числа современников: Екатерина Павловна, Ф. В. Ростопчин, А. Д. Балашов, Г. М. Армфельт. Я. И. Санглен

¹⁹ [Вигель Ф. Ф.] Филипп Филиппович Вигель. Записки. С. 124.

²⁰ Там же. С. 173.

²¹ Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // РС. 1885. Т. 47. № 9. С. 393.

и др. Сообщая о ссылке Сперанского в Нижний Новгород, Вигель сообщает о слухах среди народа о его настоящей или мнимой измене и опасности расправы над ним: «Между тем слух о его измене, настоящей или мнимой, распространился и между простым народом: не подозревая того, летом отправился он — взглянуть на Макарьевскую ярмарку; проходя гостиним двором, он едва не был умерщвлен разъяренной чернью и спасся через лавку знакомого ему купца. Главное тогда областное начальство, желая будто спасти дни его, а, вероятно, движимое местию, отправило его на жительство в холодный, скучный губернский город Пермь»²².

На самом деле, предписание отправиться в Пермь было получено из Петербурга в связи с занятием Наполеона Москвы. 15 сентября, после кратковременного пребывания в Нижнем Новгороде Сперанский прибыл в Пермь в качестве опального чиновника, как он писал тогда «на сибирскую дорогу», 23 сентября 1812 г. Он пробыл в губернском городе по 19 сентября 1814 г., то есть два года без трех дней (Вторично проездом он посетил Пермь, возвращаясь из Сибирского генерал-губернаторства в 1821 г.).

Этот период жизни Михаила Сперанского отразился в разного рода источниках, некоторые из них не только прочно забыты, но и не опубликованы. Впервые подробно, с привлечением фрагментов воспоминаний пермского купца Николая Ивановича Попова «Записка о пребывании М. М. Сперанского в Перми с 23 сентября 1812 г. по 16 сентября 1814 г.», он был описан Модестом Андреевичем Корфом (1800–1876) в его монографии «Жизнь графа Сперанского» (1861)²³. Как продолжение другие фрагменты воспоминаний Н. И. Попова (частично в пересказе) были опубликованы Иваном Андреевичем Бычковым (1858–1944) в бумагах академика Афанасия Федоровича Бычкова (1818–1889)²⁴. Подлинник записок обнаружен при подготовке антологии в ГАРФ и публикуется в данном издании впервые²⁵.

Отношение к М. М. Сперанскому местных чиновников и жителей было неоднозначным, но четко выделяются первые месяцы его пребывания, когда статус опального государственного секретаря был в глазах чиновников и жителей неясным, а всеобщая

²² [Вигель Ф. Ф.] Филипп Филиппович Вигель. Записки. С. 173.

²³ Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского. Т. II. СПб.: Изд. Импер. Публ. Б-ки, 1861. Глава вторая. С. 71–93.

²⁴ Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми (Из бумаг академика А. Ф. Бычкова) Сообщ. И. А. Бычков // РС. 1902. Т. 110. № 5. С. 237–240.

²⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 894. 18 л.

молва определяла его как «изменника», что распространялось на гимназистов и даже «дворню». Настороженным было отношение к ссыльному со стороны губернатора Богдана Андреевича Б. А. Гермеса, епископа Пермского Иустина (Вишневского). Доброжелательно относились к Сперанскому «предобрый молодой хозяин» первоначальной его квартиры Н. И. Попов, инспектор семинарии игумен Соликамского монастыря, Иннокентий, Х. Я. Лазарев, В. А. Всеволожский, Д. Е. Смышляев и неоднократно посещавший Сперанского во время приезда в Пермь А. А. Столыпин.

В январе 1813 г. пришло письмо министра полиции А. Д. Балашова, в котором предписывалось обращаться со Сперанском «как со статским советником»²⁶. После этого все изменилось: для всех он стал желанным гостем. Воспоминания пермяков содержат сведения о соблюдении Сперанским распорядка дня, хорошем здоровье, доступных развлечениях, в частности прогулках четыре раза в день, чтении на берегу Камы, питании, винах, нелюбви к картам. Интересно, наблюдение Н. И. Попова, характеризующее отношение Сперанского к слугам: когда по несколько дней пропадал молодой крепостной «человек» Сперанского, он «сам приготовлял себе гардероб и растирал табак».

31 августа 1814 г. управляющий министерством полиции граф С. К. Вязьмятинов известил Сперанского, что Государь «всемилоостивейше» разрешил ему жить в имении Сперанского Великополье Новгородской губернии. По свидетельству Ф. А. Прядильщикова, это было истолковано в Перми однозначно — «государственный секретарь опять возвращается ко Двору».

О пребывании Сперанского в Перми есть и другие свидетельства современников. В 1903 г. инженер и журналист П. П. Баснин опубликовал фрагменты из 8-томных «мемориалов» своего деда, именитого сибирского купца П. Т. Баснина, которые не предназначались автором к печати. В них содержалось упоминание о проезде Сперанского через Пермь в 1821 г. Менее информативными являются свидетельства некоего духовного лица, увидевшие свет в журнале «Москвитянин» (1848). Отдельные сведения со ссылками на старожилов приводятся и в публикациях историков-краеведов. Эти очерки принадлежали пермским историкам-краеведам Александру Алексеевичу (1954–1902) Дмитриеву (1869, 1889), протоиерею Евгению Алексеевичу Попову (1879)²⁷, Федору

²⁶ Статский советник. Чин 5 класса

²⁷ Попов Е. А. М. М. Сперанский в Перми и Сибири: [двухлетняя жизнь Сперанского в Перми] Пермь: Тип. Никифоровой, 1879.

Афанасьевичу (1811–1870) Прядильщикову (1890)²⁸, М. А. Констанскому (1893)²⁹, академику Афанасию Федоровичу Бычкову (1902), В. С. Верхованцеву (1913; 1994). Ему также посвящен ряд современных публикаций (Н. Ф. Аверина, О. А. Мельчакова и др.).

Пензенское губернаторство и сибирское генерал-губернаторство М. М. Сперанского представлены публикуемыми в антологии записками Ф. В. Булгарина, Г. И. Мешкова, Д. П. Рунича, П. П. Баснина, Г. С. Батенькова, Ф. В. Булгарина, И. Т. Калашникова, Э. И. Стогова, К. И. Фишера. Деятельность М. М. Сперанского после возвращения С.-Петербург раскрывается мемуарами Г. Н. Александрова, П. И. Савvaitова, рассказами князя А. Н. Голицына, записками А. Д. Боровкова и воспоминаниями Ф. В. Булгарина, а также публикуемыми замечаниями А. А. Корнилова по поводу работы Сперанского по сбору законов, издаваемых русским правительством.

Кодификационная деятельность М. М. Сперанского при Николае I, создание «Свода законов Российской империи» — еще один аспект исторической памяти. Николаю I приписывают слова: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания свода законов и уничтожения крепостного права»³⁰ Взаимоотношения, первоначально непростые, между реформатором М. М. Сперанским и самодержцем Николаем I, их сотрудничество в решении важнейших проблем реформирования России, несомненно, представляют интерес для исследователей разных специальностей. Характерно, что на открытом в 1862 г. в Великом Новгороде памятнике «Тысячелетию России» Сперанский оказался запечатленным между двух императоров, стоящего Александра I и сидящего Николая I. Во время беседы с М. А. Корфом в день кончины М. М. Сперанского, 11 февраля 1839 г., Николай I сказал: «Сперанского не все понимали и не довольно умели ценить: я сам может быть, больше всех, был сперва против него виноват. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях; клевета коснулась его даже и по случаю истории 14-го декабря! Но потом все эти обвинения рассыпались, как прах: Я нашел в нем самого верного, преданного и верного слугу, с огромными сведениями,

²⁸ Памятной книжки и адрес-календаря Пермской губернии на 1891 год», рассказывается о пребывании Михаила Сперанского в Перми.

²⁹ *Констанский М. А.* Сперанский в Перми // РС. 1893. Т. 80. № 11. С. 335–340. С. 338. Упоминается Д. Е. Смышляев, оказавший помощь Сперанскому.

³⁰ Цит. по: *Бородкин М. М.* Венчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. С. 32.

с огромной опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия, ему обязаны, и клеветники умолкли. Единственный упрек, который я могу ему сделать — это чувство его к покойному брату; но тут, конечно...»³¹. На этом Николай Павлович прервал фразу. По мнению М. А. Корфа, в незаконченной мысли, вероятно, «заключалось тайное, невольное оправдание Сперанского»³². В письме от 11 (23) февраля, которое цесаревич получил в Вене через десять дней, Николай I сообщал о кончине Сперанского: «К крайнему моему прискорбию, сегодня сделали мы важную и невозвратную потерю! Наш почтенный Михайло Михайлович кончил жизнь от кровавого пострела в голову. В нем лишился я тринадцатилетнего верного неутомимого помощника и наставника, которого трудам обязан я творением, в котором кладу свою гордость, и от трудов которого мог я еще надеяться большой пользы. Все это с ним рушилось, и точно не знаю, кто мне представится, чтоб хотя несколько его заменить! Я уверен, что и ты об нем жалеть будешь, ибо ему обязан тоже первым понятием о ходе дел»³³.

К публицистике с разной степенью условности можно отнести очерки-памфлет П. В. Долгорукова (Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта, 1860–1867); памфлет Г. П. Ермолова (Памфлет на графа М. М. Сперанского, 1895); сочинение М. Л. Магницкого (Дума на гробе графа Сперанского, 1843), речь А. В. Никитенко («Воспоминания о графе Сперанском, 1872); речь А. В. Романовича-Славянского (1873), рецензию Н. Г. Чернышевского на книгу М. А. Корфа (Русский реформатор», 1861), заметки И. А. Чистовича (В память гр. М. М. Сперанского, 1871), некоторые другие произведения современников.

Как отметила Л. Н. Киселева, «просматривая мемуары, записки, дневники, письма, рукописные сборники I половины XIX в., можно заметить, что личность и деятельность М. М. Сперанского вызвала живой интерес не только у его современников, но и у последующих поколений. Его происхождение, его личность, блестя-

³¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Публ. И. В. Ружицкой. М.: Изд. дом «Ру- бежи XXI», 2010. С. 276.

³² Там же.

³³ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. Л. З. Захаровой и С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 309. Подробнее о взаимоотношениях Николая I и Сперанского см.: Выскочков Л. В. «Теперь все знают, чем я, чем Россия, ему обязаны ...» Николай I и Михаил Сперанский // Вестник Санкт-Петербургского государственного ун-та. (Вестник СПбГУТД) Технологии и дизайна. 2023. Сер. 2. Искусствоведение. Филологически науки. № 1. С. 80–87.

щая карьера, реформаторская деятельность, уединенная личная жизнь и неожиданное падение привлекали всеобщее внимание. Сочувствовавших ему было немного. Своей “партии” он не создал, да и не мог создать. В основном, мы можем говорить об оппозиции к нему»³⁴.

Дать более объективную оценку М. М. Сперанскому должны были потомки, прежде всего историки.

³⁴ Киселева Л. [Н]. М. М. Сперанский в зеркале русской публицистики и художественной литературы. С. 38.

Научное издание

**М. М. СПЕРАНСКИЙ:
PRO ET CONTRA**

Антология

Составитель

Леонид Владимирович Выходков

Директор издательства А. А. Галат

Заведующий редакцией В. Н. Подгорбунских

Корректор С. А. Авдеев

Верстка О. М. Кукушкиной

Подписано в печать 25.11.2024. Формат 60×90 1/16

Бум. офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 60,00. Тираж 300 экз.

Зак. № 1238

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Издательство Русской христианской гуманитарной академии

Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75

E-mail: editor@rhga.ru. Url: <http://www.rhga.ru>